

3. Васючэнка, П. В. Ключавыя вобразы-сімвалы ў драматургіі Я. Купалы / П. В. Васючэнка // Янка Купала і Якуб Колас у літаратурным працэсе Беларусі: матэрыялы канф., прысвеч. 110-годдзю з дня нараджэння / МДП імя А. М. Горкага; рэдакцыя: І. С. Шпакоўскі (рэд. і ўклад.) [і інш.]. – Мінск: 1993. – С. 18–22.
4. Гарин, И. И. Проклятые поэты / И. И. Гарин. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2003. – 848 с.
5. Клімуць, Я. І. Уводзіны ў літаратуразнаўства. Мастацкі твор / Я. І. Клімуць. – Магілёў: УА «МДУ імя А. А. Куляшова», 2010. – 53 с.
6. Кобылинский, Л. Л. (Эллис). Русские символисты / Л. Л. Кобылинский (Эллис). – Томск: Изд-во «Водолей», 1998. – 288 с.
7. Купала, Я. Адвечная песня: вершы і паэмы / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 2001. – 351 с.
8. Купала, Я. Збор твораў: у 6 т. / Я. Купала. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1961. – Т. 2: Вершы і паэмы, 1908–1910. – 461 с.

УДК 821.161.1.09“18”(092А.С.Пушкин):821.162.1(092А.Мицкевич):
821.161.3(092Я.Колас)

ЖАНРОВЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ: А. С. ПУШКИН. «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», А. МИЦКЕВИЧ. «ПАН ТАДЕУШ», ЯКУБ КОЛАС. «НОВАЯ ЗЕМЛЯ»

С. Ф. Мусиенко

*Минск, Республика Беларусь
musijenko@list.ru*

В статье актуализирован вопрос о жанровой принадлежности произведений А. С. Пушкина «Евгений Онегин», А. Мицкевича «Пан Тадеуш», Якуба Коласа «Новая земля». В результате проведенного сравнительного анализа сделан вывод о том, что эти авторы используют одинаковые и подобные принципы классического эпического романа.

Ключевые слова: А. С. Пушкин; «Евгений Онегин»; А. Мицкевич; «Пан Тадеуш»; Якуб Колас; «Новая земля»; жанр; повествовательное пространство; художественные приемы; принцип эпичности; классический роман.

GENRE EXPERIMENT IN SLAVIC LITERATURES: A. S. PUSHKIN. “EUGENE ONEGIN”, A. MICKIEWICZ. “PAN TADEUSZ”, YAKUB KOLAS. “NEW LAND”

S. F. Musienko

*Minsk, Republic of Belarus
musijenko@list.ru*

The article actualizes the question of the genre affiliation of the works of A. S. Pushkin “Eugene Onegin”, A. Mickiewicz “Pan Tadeusz”, Yakub Kolas “New Land”. As a result of the comparative analysis, it is concluded that these authors use the same and similar principles of the classic epic novel.

Key words: A. S. Pushkin; “Eugene Onegin”; A. Mickiewicz; “Pan Tadeusz”; Yakub Kolas; “New Land”; genre; narrative space; artistic techniques; the principle of epic; classic novel.

Размышления о природе жанра в произведениях, обозначенных в названии статьи, видимо, следует начать с вопроса: почему «Евгения Онегина» (1830) А. С. Пушкина критика и читатели называли романом? А произведение его современника польского поэта А. Мицкевича «Пан Тадеуш» (1834) – поэмой? Почти на 100 лет позднее подобного типа стихотворный эпос появился и в белорусской литературе – «Новая земля» (1923) Якуба Коласа, его также относили к жанру поэмы. Была ли жанровая разница между ними? Видимо, нет. Все три автора стали не только

классиками ещё при жизни, но и определяли развитие своих национальных литератур, были новаторами в областях формы, содержания и художественных приёмов. Нет сомнения в том, что их произведения раскрывают существование современной авторам эпохи, её нравственно-этические нормы, особенности национальных устоев жизни и психологию национальных характеров. По сути, эти черты присущи жанру романа. «Роман <...>, – читаем в “Литературной энциклопедии терминов и понятий”, – большая форма эпического жанра литературы Нового времени. Его наиболее общие черты: изображение человека в сложных формах жизненного процесса, многолинейность сюжета, охватывающего судьбы ряда действующих лиц, многоголосие, большой объем сравнительно с другими жанрами» [1, с. 890].

Обратим внимание на наличие черт романа (согласно энциклопедии) в названных произведениях и их расположенности во времени развития литературного процесса в мире и в национальных литературах авторов. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина – 1830 г., когда в России ещё господствовало крепостное право, но в обществе после победы над Наполеоном шли жаркие дискуссии о нецелесообразности крепостничества. Участвовал в этих спорах и Пушкин, но по-своему, творчески, выразив свою точку зрения о поступке героя Евгения Онегина: «Ярем он барщины старинной // Оброком легким заменил; // И раб судьбу благословил» [2, с. 53]. Фактически это была отмена крепостного права, проявившаяся в художественной литературе. Не случайно в «Евгении Онегине» современные поэты отмечали идейно-тематическое и художественное новаторство. В русской литературе был ещё очень популярен классицизм, по сути из-за высокого авторитета Г. Р. Державина. Был, однако, встречен насмешками и не свойственный русской культуре сентиментализм в лице «Бедной Лизы» Карамзина. Сатирическое резюме произведения: «... топитесь, девушки: в пруду довольно места!», – получило куда большую известность, чем сама повесть. Пожалуй, наиболее популярным в 20-е – начале 30-х гг. XIX ст. в России стал романтизм. Русский читатель восхищался балладами В. А. Жуковского, поэзией Байрона, Пушкина, Мицкевича. И всё же первые «ростки» реализма наблюдаются у Пушкина и в «Евгении Онегине», и в некоторых его прозаических произведениях, но воспринимались современниками как романтические. Видимо, влияние на эстетические взгляды общества оказывал Д. Г. Байрон. Его неоконченный поэтический шедевр роман в стихах «Дон Жуан» современники также называли поэмой. А между тем, русский поэт высоко ценил Байрона, хотя и не считал себя ему подобным. И даже упрекал английского поэта в нарушении принципов романтизма в угоду удачной творческой находке: «Лорд Байрон прихотью удачной // Облек в унылый романтизм // И безнадежный эгоизм» [2, с. 73]. Пушкину также не были чужды «творческие прихоти». Именно в поисках новаторских приемов он шел к реализму:

Быть может, волею небес,
Я перестану быть поэтом, (курсив мой. – С. М.)
В меня вселится новый бес,
И, Фебовы презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы; (курсив мой. – С. М.)
Тогда роман на старый лад
Займет веселый мой закат [2, с. 73].

Стремление к реализму стало творческим кредо Пушкина и его своеобразным шагом к реализму, хотя в «Евгении Онегине» удивительно переплетались черты романтизма и реализма. Романтические герои Татьяна, Ленский полноправно сосуществовали с реалистическими, скажем, с наивным практицизмом Ольги:

Мой бедный Ленский! Изнывая,
Не долго плакала она...
Другой увлек ее вниманье...
Улан умел ее пленить...
И вот уж с ним пред алтарем
Она стыдливо под венцом стоит... [2, с. 142].

Строже придерживался канонов романтизма Адам Мицкевич в романе в стихах (определение жанра моё. – С. М.) «Пан Тадеуш». Поэт последовательно идеализировал как свою историческую большую в прошлом сильную родину, так и малую – Новогрудок, Заосье, шляхетские имения соседей и друзей, ставшие местом действия его произведения, многие из которых сохранились до наших дней. Менялись государственные границы, неоднократно менялось социальное мироустройство многих стран, в том числе России и Польши, но неизменной оставалась нравственная и эстетическая память о творчестве Адама Мицкевича. Не случайно в нём проявилась не только любовь поэта к родной земле, но его отношение к собственному мировоззрению, к своим творениям, к своему назначению поэта и гражданина:

...od Ponarskich gór i bliznich Kowna wód
Szerze się sława ma aż za Przypeci bród.
Mnie w Nowogrodzku, mnie w Mińsku czytuje młódź...
Stąd mimo carskich groźb, na złość strażnikom cel,
Przemycą w Litwę Żyd tomiki moich dzieł [3, с. 334].

Несмотря на известность, Мицкевич понимал, что в России его может ждать судьба декабристов, и с помощью русских друзей он покидает родину навсегда.

Его поэтический шедевр «Пан Тадеуш» создавался в эмиграции. Да иначе и быть не могло, об этом свидетельствуют его первые строчки:

Litwo! Ojczyzna moja! Ty jesteś jak zdrowie;
Ile cię trzeba cenić, ten tylko się dowie,
Kto cię stracił. Dziś piękność twą w całej ozdobie
Widzę i opisuję, bo tęsknię po tobie [3, с. 9].

Эмиграция и невозможность вернуться на родину вызвала в творческом воображении поэта ее новое восприятие – ностальгического романтизма, или особой формы идеализации обычных жизненных фактов, реалий повседневного быта, обычаев и др. Жизнь на малой родине казалась прекрасной, природа сказочной, персонажи обретали черты богатырей и национальных героев. Оригинальность произведения заключалась и в том, что между идеализацией, романтизацией жизни и одновременной правдивостью ее показа не было противоречий: поэт считал сказкой жизнь людей и его самого на малой родине, а суровой правдой был реальный мир за её пределами:

«Woźny... siadł przy świecy i dobył książeczkę z kieszeni... Prostym ludziom wokanda zda się imion pisem,

Woźnemu jest obrazów wspaniałych zarysem. Czytał więc i rozmyślał... Takie były zabawy, spory w one lata wśród cichej wsi litewskiej, *kiedy reszta świata we łzach i krwi tonęła*» (курсив мой. – С. М.).

Оправдывал Мицкевич и войны Наполеона, обещавшего Польше свободу и возвращение государственности, правда, своего обещания Бонапарт не выполнил, но культ, который ему создал поэт, остался до сегодняшнего дня и приобрел общеевропейское поклонение. Не случайно Мицкевич завершил «Пана Тадеуша» победоносным танцем, в котором участвовали представители всех народностей и всех сословий Польши. Эпизодом всеобщего танца он предварил идейный прием позитивистов, заключавшийся в объединении здоровых сил общества в борьбе за независимость и социальную справедливость.

Третьим примером жанрового эксперимента является произведение классика белорусской литературы Якуба Коласа «Новая земля» (1923), которое, как и «Пана Тадеуша», называют поэмой и которое, как и «Евгений Онегин», является также романом в стихах. Главная мысль автора и главного героя выражается известной мечтой белорусского народа: быть свободным и

иметь свою землю, но в авторском восприятии и художественном выражении эта мечта романтизирована и выдержана в традициях Адама Мицкевича:

Мой родны кут, як ты мне мілы!..
Забыць цябе не маю сілы!..
О, як бы я хацеў спачатку...
Прайсці яшчэ раз, азірнуцца...
К вясне б маёй хацеў вярнуцца [4, с. 7].

У героев произведения отношение к земле более реалистичное. Они не только её любят, понимают, защищают, но и хотят её иметь:

*Купіць зямлю, прыдбаць свой кут,
Каб з панскіх выпутацца пут, (курсив мой. – С. М.)*
І там зажыць сабе нанова:
Свая зямля – вось што аснова! [4, с. 64].

«Новая земля» стала необычайно популярной не только у белорусского, но и зарубежного читателя, вошла в школьные и университетские программы. Произведение отвечало запросам времени и было отнесено к лучшим образцам революционной литературы, а после 1934 года – и к образцам культуры социалистического реализма*, хотя в нем не был соблюден даже главный его тезис: «показ действительности в ее революционном развитии». В «Новой земле» изображен практически подневольный труд крестьянства, а финал по-настоящему трагический: главный герой Михась, мечтавший всю жизнь купить землю, умирает, так и не реализовав свою мечту. Окружающий мир в произведении не меняется: он остается несправедливым и жестоким.

Итак, Пушкин в «Евгении Онегине» подводит итог популярному в Европе и России романтизму и открывает новую страницу в литературе – *реализм*. Мицкевич остается верен романтизму, но придает ему черты реальности, проявляющиеся в описании природы, обычаев, этнических черт жителей малой родины поэта Новогрудчины. «Новую землю» Якуб Колас представил в свете черт традиционного метода критического реализма. Новаторство произведения проявилось в художественном выражении: отношении героев и автора к природе, постижении таинства психологического склада персонажей, соединении философского восприятия жизни с ее эмоциональным проявлением, пантеистического описания леса, полей и т. д.

При методологическом и временном различии в написании произведений все три поэта представили одинаковый тип героя, название которого определилось в литературе социалистического реализма в XX веке – *коллективный герой*. Это собирательный образ по какому-либо существенному признаку (социальному, политическому, профессиональному и т. д.). Все поэты понимали и то, что персонаж, созданный только из типических черт, будет схематичным, а человек в реальной жизни обладает неповторимыми индивидуальными чертами, как правило, они представляют его натуру и отличительность. Это было еще одно *романное* новшество, которое использовали Пушкин, Мицкевич и через 100 лет Якуб Колас. Во всех исследуемых произведениях типичность была своеобразно преломлена и выражена в индивидуальности каждого персонажа. Все названные создатели романа в стихах показали и жизнь семьи, представлявшей определяющее развитие общества на конкретном историческом этапе: Пушкин – помещенное дворянство – Ларины, Ленский, Онегин и столичная военная аристократия – генерал Гремин («муж в сраженьях изувечен, и нас за то ласкает двор»); Мицкевич – шляхта (Соплицы) и вырождающиеся аристократы (Горешки). Правда, семья в произведении Мицкевича создается по принципу позитивизма – из «здоровых» сил общества (Зося – Тадеуш). У Коласа

* Метод социалистического реализма был утвержден на съезде Союза советских писателей, состоявшемся в 1934 г.

семья представляет сословие крестьянства, трудолюбивого, но бедного, мечтающего о покупке *своей* земли.

Таким образом, стихотворный роман стал и предтечей реализма, и предтечей романа – семейной хроники или саги, который сложится как жанр лишь в начале XX века (первый его образец – «Будденброки» Т. Манна). В исследуемых произведениях можно наблюдать и существенное отличие от романа-саги. Ни у Пушкина, ни у Мицкевича, ни у Коласа нет завершения ни социального, ни политического действия: финалы остаются открытыми (что также являлось сюжетно-художественным новаторством). В «Евгении Онегине» главный герой остается одиноким дворянским бездельником, правда, в русской литературе он открывает галерею «лишних людей». В «Пане Тадеуше» финалом послужила мечта автора об объединении общества в борьбе за независимость, выраженная в танце всех сословий, имеющем идейно-аллегорическое значение. Самое пессимистичное завершение действия в «Новой земле»: герой, мечтавший купить землю, умирает. Разгадка этой трагедии заключается, видимо, в показе несовершенства социального мироустройства, которое убило не только вековую мечту крестьянства о собственной земле, но и самого человека.

Итак, семья у всех трёх авторов представлена в двух значениях: реальном (конкретный родственный клан в нескольких поколениях) и аллегорическом – семья представляет сословие, определяющее развитие всего общества в конкретный исторический период. В романе – семейной хронике в обоих значениях судьба семьи завершается смертью последнего ее представителя, символизирующего гибель сословия, которое он представляет. В исследуемых стихотворных романах ближе всего к классическому финалу подошел Якуб Колас. В «Новой земле» умирает Михал, но он не последний ее представитель, а последний мечтатель с несбыточной надеждой приобретения земли, т. е. старого мира, который лишал крестьян не только земли, но и надежды ее иметь. И в таком открытом сюжете заключалась политическая и социальная надежда на борьбу за лучший мир, за реализацию надежды. Она заключена в предсмертной речи Михала – своеобразном завещании брату, детям, семье:

Антоська!.. родны мой! Канаю...
Вядзі ж ты рэй, вядзі... адзін...
Як лепшы брат, як родны сын.
Бог не судзіў мне бачыць волі
І кідаць зерні ў свае ролі...
Зямля... зямля... туды, туды, брат,
Будуй яе... ты дай ёй выгляд...
На новы лад, каб жыць нанова...
Не кідай іх... [4, с. 280].

Произведение было рассчитано на интеллектуально и политически подготовленного читателя – участника будущей революции, борца за социальное совершенство.

Во всех трех исследуемых произведениях налицо эпический охват действительности, свойственный классическому роману в прозе. Пушкин, Мицкевич и Якуб Колас показали не только большие интервалы времени, но и связали жизнь героев со значительным историческим событием. Мицкевич – с мечтой об освобождении Польши и войнами Наполеона (к сожалению, обманувшему Польшу): «Wre taniec, brzmie muzyka, oklaski i zdrowia!» [3, с. 354]. Якуб Колас – с Октябрьской революцией и возможностью обрести землю (правда, потомкам Михала):

Ой вы, дарожанькі людскія...
Вас горне шлях прасторнай плыні...
Дзе так панадна свеціць сонца,
Дзе думка тчэ свае красёнцы,
Каб новы свет жыцця спаткаць,

Заспакаенне сэрцу даць
І разгнаць яго трывогі!..
Прасторны шлях! калі ж, калі
Ты закрасуеш на зямлі [4, с. 280].

У Пушкина – трагедия разгромленного восстания декабристов и «безмолвствующий народ» в связи с казнью и ссылкой его участников: «Россия присмирела снова, // И пуше царь пошел кутить» [2, с. 198].

Кроме главных коллективных героев, выражающих социально значимую сущность общества Российской империи в XIX в.: дворянство (собственно Россия) в «Евгении Онегине» и шляхта (Королевство Польское или Северо-западный край) в «Пане Тадеуше» и накануне Октябрьской революции – крестьянство (Белая Русь) – в «Новой земле», в каждом из анализируемых произведений есть и главные индивидуальные герои, выполняющие важные идейные функции. Объектом критики Пушкина является Евгений Онегин, хотя собственную «ненужность» определяет сам герой: «Зачем я пулей в грудь не ранен... // Зачем не хилый я старик... // Зачем не чувствую в плече // Хоть ревматизма? – ах, создатель! // Я молод, жизнь во мне крепка; // Чего мне ждать? Тоска! Тоска!» [2, с. 190]. Тадеуш у Мицкевича – социальный и политический мечтатель:

Teraz, kiedy już mamy Ojczyznę kochaną...
oddam los włoscianów pod prawą opiekę.
Sami wolni, uczynmy i włoscian wolnemi
Oddajmy im w dziedzictwo posiadanie ziemi,
Na której się zrodzili, którą krwawą pracą
Zdobyli, z której wszystkich żywią i bogacą [3, с. 345].

Вряд ли было возможно осуществить в 30-е гг. XIX в. в Российской империи освобождение крестьянства от крепостной зависимости. Вынужденный эмигрант Адам Мицкевич оказался и самым далеким провидцем во времени, и одновременно смелым сказочником. Не случайно он заканчивает повествование рефреном из фольклорных источников восточнославянских народов, сказок и легенд: «I ja tam z gościmi byłem, miód i wino piłem, // A com wiedział i słyszał, w księgi umieściłem» [3, с. 356]. Вторая строка, выделенная мною курсивом, естественно, не фольклорная, она принадлежит Адаму Мицкевичу. Что касается строки первой, то не является ли она мистифицированным заимствованием финала поэтической сказки «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина? Обоим народам и их поэтам сказочная надежда могла вселить оптимизм в горькие минуты реальной жизни: в России – разгром восстания декабристов, в Польше – разгром восстания 1830 г.

Смерть главного индивидуального героя в «Новой земле» не связана непосредственно с Октябрьской революцией. Михал умирает, не реализовав мечту – покупку земли. Его последние слова констатируют и личную, и социальную трагедию: «...канаю... Перагарэў, адстаў, знікаю... // Бог не судзіў мне бачыць волі // І кідаць зерні ў свае ролі...» [3, с. 280].

Главные герои всех трех произведений выполняют двойную роль: являются выразителями взглядов авторов произведений на представленные ними социальные группы: дворянство у Пушкина, крестьянство у Якуба Коласа и народ у Мицкевича (победоносный танец всех сословий, живущих в Польше). Все герои наделены основополагающими (существенными) чертами своего сословия, но в индивидуально неповторимом проявлении: Онегин – дворянин, но «лишний» человек, не выполняющий ни социального, ни политического, ни биологического предназначения. Он не имеет исторической перспективы, не имеет будущего. Михал умирает, но остается его семья: братья, дети, жена, которые реализуют его мечту и как крестьяне обретут *свою* землю. Более многогранны функции у Тадеуша: как представитель шляхты он «обгоняет» время и освобождает от крестьянской зависимости крестьян. Как «сказочный герой», он идет воевать в армию Наполеона, пообещавшего Польше дать свободу. К моменту завершения

«Пана Тадеуша» Наполеон, не выполнив своего обещания, умер, но культ его, сотворенный Мицкевичем, становился всё популярнее, приобретал мировую и надвременную значимость. Прекрасно знавший и судьбу, и фальшь обещаний Наполеона польский поэт использовал его как символ свободы Родины, как призыв к борьбе за нее в своем творчестве. Велик, по мнению Мицкевича, Наполеон, а рядом с ним велики и национальные герои Польши. Главную роль, несомненно, играет Домбровский. Мрачной реальности разгрома восстаний, репрессий и гонений автор противопоставляет атмосферу победы и всеобщего ликования: «Brzmi Polonez Trzeciego Maja!.. Radość oddychają, radość słuchają... przy tańcu śpiewano: «Wiwat król kochany! Wiwat Sejm, wiwat Naród, wiwat *wszystkie stany!*» (курсив мой. – С. М.) [3, с. 351].

Следует отметить неповторимость индивидуального героя у каждого из авторов, но в то же время каждый герой наделен или чертами своего народа (Мицкевич), или чертами изображаемых в произведениях сословий (Пушкин, Якуб Колас).

Связана с концепцией и индивидуального, и коллективного героев проблема многоголосия и романного фактора – большого количества персонажей, а с ним и значительного количества сюжетных линий. «Разветвленность» сюжета и большое количество персонажей является характерной чертой и «Евгения Онегина», и «Пана Тадеуша», и «Новой земли». А. С. Пушкин показывал жизнь помещичьего дворянства целыми семьями, с приглашенными иностранными гувернерами, крепостными крестьянами, столичного дворянства и аристократии, военных, слуг, чиновников, являющихся, по сути, Россией 20-х гг. XIX века в «сконцентрированной» миниатюре. Все они наделены социально-индивидуальными, реалистическими чертами в двойном критическом видении Онегина:

С досады взоры опустив...
Надулся он и, негодуя...
Теперь, заране торжествуя,
Он стал чертить в душе своей
Карикатуры всех гостей [2, с. 117], –

и автора, представившего сатирический групповой социально-психологический портрет русского дворянства:

...в них не видно перемены;
Всё в них на старый образец:
У тетушки княжны Елены
Всё тот же тюлевый чепец;
Всё белится Лукерья Львовна,
Всё то же лжет Любовь Петровна,
Иван Петрович так же глуп,
Семен Петрович так же скуп,
У Пелагеи Николавы всё тот же...
И тот же шпиц, и тот же муж...
Всё так же смирен, так же глух
И так же ест и пьет за двух [2, с. 156].

Подобный приём использует и Адам Мицкевич, показывая все сословия, но в романтически-возвышенном проявлении: в восприятии и автора, и героев. И Пушкин, и Мицкевич мастерски изображают массовые сцены: балы у Лариных и Греминых. В обоих случаях присутствует Онегин как сторонний, причем критичный наблюдатель. У Мицкевича Тадеуш – эмоциональный участник событий: в личном плане он жених Зоси, в политическом – готовится к битве в армии Наполеона за свободу Польши, в социальном – это благородный шляхтич-патриот. Идеи Тадеуша справедливы и благородны, поэтому их поддерживают и разделяют все сословия – от генерала Домбровского до бедного еврея-музыканта. Иначе, хотя и по законам

эпичности, представлены события и сюжетные линии у Якуба Коласа. Поэт использует прием «расширяющегося» места действия, в котором постепенно увеличивается количество действующих лиц. Начинается произведение описанием жизни и быта крестьянской семьи. Ее глава и хозяин дома Михал, который, помимо традиционной христианской работы на земле, для заработка ещё служит лесником. Семья в произведении выполняет две функции: биологически-бытовую и социальную, олицетворяет свой класс. Якуб Колас оригинально представляет массовые сцены, максимально выявляя социальные черты коллективного героя и индивидуальные черты одиночных персонажей. Это обеды, семейные собрания, работа на кухне и подворье, в поле и т. д. семейного клана Михала, служба его в лесничестве, встречи с сослуживцами, показ общества в церкви, проводы семьи Михала на новое место жительства и службы в Поречье, обряд похорон лесничего и др. Поэт именно массовыми сценами подчеркивает и особенности национального бытия белорусов, и политический уклад в стране, и социальную структуру общества от собственников-буржуа и духовенства до крестьянства различных его слоев по степени материальной обеспеченности. Правда, в произведении постепенно подчеркивается мысль о зависимости крестьян от панов и господ. В этом плане интересен эпизод вынужденного переезда семьи Михала на новое место:

– Панок, за што? – Міхал пытае. –
Што за прычына ёсць такая?
Ці я па службе правініўся?
Ці на мяне пан угнявіўся?
Я не прадаў, не ўкраў нічога...
Скажы, панок, на літасць Бога,
За што нас пан перамяшчае? [4, с. 38].

Ответ лесничего – свидетельство его абсолютной власти над крестьянином:

– Мне чалавек там добры трэба...
Пакуль я жыў, і ты не згінеш,
Свае сям'і, нябось, не кінеш –
Куды ты дзенешся? Трымайся,
Жыві і з Богам разжывайся [4, с. 38].

Итак, художественно-проблемные функции семьи во всех трех произведениях подобны: семья играет роль аллегорическую, являясь представителем основополагающей социальной группы времени написания каждого произведения. И в то же время семья показана как ячейка общества в свете национальных особенностей жизни русского (Пушкин), польского (Мицкевич) и белорусского (Якуб Колас) народов. Поэтому семью и ее жизнь все три поэта представили носителем существенных черт своих народов. В художественном проявлении семья является типичным выразителем черт эпического (коллективного) героя. Рассматриваемые авторы показали и семью, и эпического героя в конкретной исторической эпохе и с учетом художественных принципов собственного творчества: Пушкин (романтизм, реализм), Мицкевич (романтизм, сказочность), Якуб Колас (социальный реализм).

Наличие во всех исследуемых произведениях большого количества персонажей, массовых сцен с их участием и связанных с ними сюжетных линий привели авторов к необходимости введения художественных приемов, свойственных жанру классического романа, – это длительное время действия и большое количество исторических событий. При этом во всех трех случаях поэты вводили значительные исторические события (принцип романа-эпопеи), свидетелями которых были они сами: Пушкин и Мицкевич – Наполеоновские войны, восстание декабристов, Якуб Колас – Октябрьская революция, создание Советского Союза, в состав которого вошла Беларусь. Следует подчеркнуть, что у Пушкина и Мицкевича было разное отношение к Наполеону и его роли в судьбе русского (узурпатор) и польского (освободитель)

народов. Это проявилось в утверждении главной мысли произведений каждого из авторов и естественно повлияло на содержание и концепцию героя и мира. У Пушкина Наполеон скорее авантюрист, искатель легкой славы, ведь только в России он встретил настоящие трудности, которые привели его к полному и бесславному поражению:

Напрасно ждал Наполеон...
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою [2, с. 153].

Мицкевич с наполеоновской войной связывал освобождение и обретение государственности Польшей, и избавителем от гнета поэт считал Наполеона. Романтический порыв польского народа 1812 г. изображен почти через 20 лет после несбывшихся надежд на освобождение, после разгрома армии Наполеона, его ссылки и смерти. Видимо, в лице французского императора польский поэт видел символ свободы и поэтому создавал ему культ:

Wojna! wojna! Nie było w Litwie kąta ziemi,
Gdzie by jej huk nie doszedł...
Wszyscy pewni zwycięstwa wołają ze łzami:
«Bóg jest z Napoleonem, Napoleon z nami!» [3, с. 304–305].

Если отношение к Наполеону у Пушкина и Мицкевича было по известным причинам принципиально различным, то восстание декабристов идейно сближало поэтов. Для русского и польского поэтов это были друзья, единомышленники, «przyjaciele moskalie». Пушкин, по сути, посвятил им и Мицкевичу неопубликованную IX главу «Евгения Онегина», Мицкевич – стихотворение «Do przyjaciół Moskali», своеобразный реквием о декабристах. Он хотел включить его в драматическую поэму «Dziady», но по неизвестной причине оставил самостоятельным произведением. Трагедия поражения восстания декабристов волновала не одно поколение и русской, и польской интеллигенции. По сути это был первый опыт политического и социального протеста интеллектуальной и военной элиты России.

Своеобразно значительные события, обеспечившие «Новой земле» эпический характер, представил Якуб Колас. Его произведение квалифицировалось как поэма социалистического реализма. Произведение создавалось по следам событий общечеловеческой значимости: Первой мировой войны (1914), Октябрьской революции (1917) и создания СССР (1922), но ни одно из них не фигурирует в произведении. Более того, время действия его точно не определено, но по социальным, этническим, национально-бытовым приметам и особенностям можно определить исторический период, который показал автор – конец XIX – начало XX в. Это дало возможность и автору, и читателю поразмышлять о социальных изменениях эпохи социализма, связанных с созданием колхозной системы и окончательном крушении надежды крестьянина на то, чтобы иметь *свою* землю. В данном случае впервые, пожалуй, даже в мировой литературе используется прием «открытого» сюжета, когда поэт не только приглашает читателя к «авторству», но и даёт ему возможность «домыслить» завершение событий согласно логике их развития в произведении, а порой и согласно принципам его (читателя) жизни.

Во всех рассматриваемых произведениях по «романному» принципу решается проблема времени: эпические задачи в романе делают необходимым показ длительных периодов времени. В романе прошлых эпох органически связывались три особенности жанра: время в последовательном его течении, очередность в нем событий жизни и подробное их описание. Пушкин, Мицкевич и Якуб Колас эффект прошлого, как и «расширение» и «удлинение»

временных рамок в повествовании, создавали с помощью оригинальных художественных приемов. У Пушкина: странствия Онегина (Петербург, Крым), перенесение места действия в разные места (провинция, Москва, Крым); повествование о прошлой жизни героев (об Онегине: «...Как женщин, он оставил книги, // И полку, с пыльной их семьей, // Задернул траурной тафтой»); воспоминания о себе самих персонажей (няня – о своей юности: «...Мой Ваня // Моложе был меня, мой свет, // А было мне тринадцать лет»); воспоминания представителей старшего поколения о молодых (московские бабушки о Татьяне: «Как Таня выросла! Давно ль // Я, кажется, тебя крестила? // А я так на руки брала! // А я так за уши драла! // А я так пряником кормила!» // И хором бабушки твердят: // “Как наши годы-то летят!”»); повествование автора-рассказчика об отдельных, но важных фрагментах и деталях прошлой жизни героев (замок дядюшки Онегина: «Почтенный замок был построен, // Как замки строиться должны: // Отменно прочен и спокоен // Во вкусе умной старины»); о молодости матери Татьяны и Ольги («Она езжала по работам, // Солила на зиму грибы, // Вела расходы, брила лбы, // Ходила в баню по субботам, // Служанок била осердясь – // Всё это мужа не спросясь»).

Повествование рассказчика о прошлом родителей Татьяны и Ольги Пушкин представляет в форме стихотворной вставной новеллы, которую завершает оригинально смертью главы семьи и надписью на его надгробном памятнике: «...Смиренный грешник, Дмитрий Ларин, // Господний раб и бригадир, // Под камнем сим вкушает мир» [2, с. 66]. Сюжетную линию о старшем поколении семьи Лариных завершает воспоминание ныне петербургской аристократки, жены генерала, в прошлом Татьяны Лариной, которая готова отдать успехи в свете за «...полку книг, за дикий сад... да за смиренное кладбище, где ныне крест и тень ветвей над бедной нянею моей» [2, с. 181].

К проблеме времени (показу прошлого и настоящего и предвидению будущего) Адам Мицкевич подошел иначе: вводит в роман рассказ о прошлой жизни героев, а порой лишь упоминания о ней автора-повествователя (жизнь в Петербурге Телимены, учеба Тадеуша, подпольная деятельность Яцека Соплицы); делает героями произведения реальных исторических лиц (Тадеуш Врублевский, Тадеуш Костюшко); идеализирует свою родину Польшу, противопоставляя ее всему миру («były zabawy, spory w one lata // Śród cichej wsi litewskiej; kiedy reszta świata // We łzach i krwi tonęła» [3, с. 36]).

Для осмысления прошлого, а главное – показа больших отрезков времени, Мицкевич использует прием воспоминаний, но не героев, а самого автора, подчеркивающего с особой душевной болью, что всё, чем люди владели в прошлом, утрачено навсегда:

...dumał, myślał o swojej krainie...
Ten kraj szczęśliwy, ubogi i ciasny,
Jak świat jest boży, tak on był nasz własny... [3, с. 381].

В этом утраченном прошлом самым дорогим были люди (отец, мать, братья, родственники, соседи, друзья) и природа. Мир воспоминаний не выходил за пределы отчей усадьбы: он имел свои приметы и очертания («...każdy kątek ziemi był znajomy // Aż po granicę, po sąsiadów domu!»).

«Эпилог» имеет свои отличительные черты. Если основной текст, состоящий из 12 книг (частей), автор заканчивает сказочным рефреном, популярным в фольклоре славянских народов («I ja tam z gośćmi byłem, miód i wino piłem»), то «Эпилог» выделяется как самостоятельное произведение, причем романного типа, в котором автор использует две временные категории – прошлое, выдержанное в эмоционально-лирической тональности, и настоящее – это реальность, переживаемая поэтом: вынужденная эмиграция, трагедия разгрома восстания 1831 г. и поработенная родина («O Matko Polsko! Ty tak świeżo w grobie // Złożona – nie ma sił mówić o tobie!»). «Эпилог» имеет и романную структуру: разрастающийся сюжет во времени и пространстве – от малой родины Мицкевича (kraju szczęśliwego – Zaosia i Nowogrodku) до европейских стран, которые мог свободно посещать Мицкевич, но эмиграция была вынужденной, и счастья он не испытывал:

Jedyne szczęście, kto w szarej godzinie
Z kilku przyjaciół usiadł przy kominie,
Drzwi od Europy zamykał hałasów (курсив мой. – С. М.),
Wyrwał się z myślą ku szczęśliwszym czasóm
I dumał, myślał o swojej krainie [3, с. 379–380].

Как дороги Мицкевичу были воспоминания о малой родине, свидетельствует эмоционально-лирический финал «Эпилога», в котором, как живые, встают в памяти картины обыденной жизни: летят журавли, крестьяне поют песни и читают книги, дремлет эконо́м, но всего дороже: «*Wianek rękami wieśniaczki osnuty, // Z młodych blawatków i zielonej ruty*» [3, с. 383]. Обычай плести венки в ночь на праздник Ивана Купалы – один из древнейших в Беларуси. Его описанием завершается повествование лучшего произведения не только в творчестве Мицкевича, но и во всей польской литературе – романе в стихах «Пан Тадеуш». Следует особо подчеркнуть, что поэт не скрывал своей не только творческой связи с белорусской народной культурой (об этом свидетельствуют его произведения, его высказывания в курсе лекций в парижском колледже по славянским литературам), но подчеркивал и свою биологическую (родственную) связь с белорусским крестьянином (муж юношеской любви поэта Иоаси).

Уместно отметить, что фамилия Мицкевич довольно часто встречается в Беларуси не только в шляхетском, но и в крестьянском сословии. Случайность или недостаточно изученная родословная не только польского – А. Мицкевича, но и белорусского поэта Якуба Коласа (настоящая фамилия Мицкевич К. М.), чтобы увидеть не только их одинаковые фамилии, но и творческую преемственность у белорусского поэта. Не случайно почти через 90 лет в белорусской литературе появляется одно из самых значимых произведений – «Новая земля» Якуба Коласа, сыгравшее ту же роль, что «Евгений Онегин» в русской и «Пан Тадеуш» в польской литературе. В «Новой земле», названной в критике поэмой, также заметно прослеживаются романские и даже эпические традиции, но в новом (XX века) проявлении. Как Пушкин и Мицкевич, Якуб Колас использует приемы, «раздвигающие» временные границы повествования, но эти приемы новые. Автор связывает их с психологией воображения: «Мой родны кут, лугі, крыніца!.. // Той самы лес, палеткі тыя, // Ды людзі там жывуць другія. // Мне душу смуткам напаўняе, // Што ў прошласць канулі гадочкі» [4, с. 13]. Не менее выразительно Якуб Колас использует детали быта: постаревшие предметы строений, хозяйства, постаревшие деревья, покинутые гнезда птиц. Всё это дается в эмоциональном восприятии человека, который вспоминает свое детство и рисует в воображении мир минувшего, еще до его рождения. Свидетелей далекого прошлого мало, но они есть, и повествователь их называет и характеризует:

Я... вокам мыслі азіраю
Цябе, мой луг і бераг родны,
Дзе льецца Нёман срэбраводны,
Дубы дзе дружнай чарадою
Стаяць, як вежы, над вадою
Даўнейшых спраў вартасцікамі (курсив мой. – С. М.) [4, с. 10].

Эмоциональное перечисление рассказчиком предметов старины в произведении выполняет важную функцию: создает логически завершенную картину жизни крестьянина. Следует учесть, что Якуб Колас проблему времени решал в свете приёма «эзопова языка». Поэтому брошенное хозяйство в «Новой земле» напоминало и предреволюционное время разрухи, и мировой войны, и середину XIX века после отмены крепостного права. В действительности это были 20-е годы XX века – послереволюционный период, время Гражданской войны и последствий всеобщего разорения в результате пережитых трагедий в стране и мире. Картина жизни в *новом* мире и на *Новой* земле не вызывает оптимизма. Даже природа становится унылой, стареющей:

Схіліўшысь ціхенька ў куточку,
Стаялі дзве вярбы старыя,

которые автор наделяет выразительными определениями: «непатрэбныя нікому», «старэнькія», «чуць жывенькія». Рядом со старыми вербами предметы крестьянского труда: «вазок, калёсы, панарады, // Старыя сані, восі, колы, // Стары цабэрак, паўасьміна // І розны хлам».

Гуменца, крытае саломай...
Ад доўгіх часаў пасівела;
Салома кудламі вісела [4, с. 12].

Как Пушкин и Мицкевич, Якуб Колас решает еще одну важную романную проблему – смену мест действия, но сохраняет при этом главных действующих лиц – крестьянство и правящий класс. По воле работодателя семья Михася и Антося вынуждена переехать в Поречье – на новое место службы. Этот переезд связан и со службой, и с устройством семьи на новом месте – на разрушенном подворье прежних жильцов. Второй выезд братьев связан с нереализованной мечтой – покупкой земли и возможностью юридического оформления сделки в большом городе Вильно. Оригинальной находкой Якуба Коласа, с помощью которой он решает одновременно две романские проблемы, является наличие большого количества героев и расширение места действия (показ поездки Антося в Вильно). Динамичность повествования достигается быстрой сменой картин во время следования поезда. Их не только наблюдает герой, но и воспринимает эмоционально:

Прад ім раўніна расцілалась
Палёў, засеяных хлябамі;
Загоны стройнымі радамі
Антосю вочы весялілі...
І расступалісь прад машынай...
Яна ж, як вольная арліца,
Ляціць стралою, грозна дыша.
І кожны міг каля чыгункі
З'яўлялісь новыя малюнкi: (курсив мой. – С. М.)
Слупы мільгалі верставыя,
Дарожкі, сцежачкі крывыя,
Лясы, гаёчкі вынікалі,
І цэрквы вежамі блішчалі
І мігацелі сёлы, дворы,
Сады, курганы, касагоры [4, с. 245–246].

Герой Якуба Коласа уже не забитый крестьянин, а мыслящая личность, понимающая не только суть, но и будущие трудности новой эпохи:

Ото разгон і шыр якая! –
З сабою дзядзька разважае! –
Зірнеш – не згледзіш канца-краю,
І гэта ўся зямлі армада
Гаспадара-цара аблада!
Вялікі ён багач на свеце,
Ды толькі бедны яго дзеці [4, с. 246].

Якуб Колас для реализации романских концепций времени, повествовательного пространства и большого количества героев ввел новый для 20-х гг. XX века художественный прием,

характерный для зарождающегося тогда вида искусства – кино: быструю смену кадров. Пожалуй, белорусский поэт был единственным, кто в мир художественного поэтического творчества перенес основополагающий принцип киноискусства.

Вышесказанное позволяет сделать выводы о жанровой принадлежности рассмотренных выше произведений. Как «Евгения Онегина» А. С. Пушкина справедливо считают романом в стихах, так к этому жанру можно отнести и поэтические шедевры А. Мицкевича «Пан Тадеуш» и Якуба Коласа «Новая земля», поскольку авторы всех названных произведений используют подобные, а порой и одинаковые принципы классического эпического романа:

1. Классическому роману свойственен значительный объем, большое количество действующих лиц и значительные отрезки времени повествования. Эти черты прослеживаются и в исследуемых произведениях. У Пушкина герои – представители трех главных социальных групп населения России первой трети XIX века: крестьянство (крепостные Лариных), помещное дворянство (Ларины и их гости) и аристократия (московские родственники Лариных, генерал Гремин и его окружение), у Мицкевича – аристократия, шляхта, крестьянство, военные, но подчеркивается особо важная роль в освободительной борьбе шляхты.

Якуб Колас показал представителей двух профессионально разветвленных сословий: власть имущие, собственники земли и всего на земле и крестьянство, превратившееся в безземельных пролетариев.

2. Значительные отрезки времени характерны для всех трех произведений. Следует подчеркнуть, что в этом случае все авторы используют оригинальные художественные приемы: воспоминания о прошлой жизни и рассуждения о минувшем героев и повествователя. Большие отрезки времени в исследуемых произведениях органически связаны с динамичностью повествования и сменой событий: у Пушкина – переезды и странствия персонажей, у Мицкевича – переносы событий из застенка Соплицы в замок Горешки, корчму, крестьянские подворья и т. д., у Якуба Коласа – вынужденный переезд семьи Михала в Поречье, поездка Антося в Вильно. Все авторы соединяют описание мест действия с их восприятием героями. Это дало возможность раскрыть внутренний мир героев (психологический фактор).

3. Большое количество героев и разнообразие повествовательного пространства дало возможность во всех трех произведениях использовать прием многосюжетности и многоголосия. У Пушкина – лирические отступления, вставные новеллы, психологические этюды; у Мицкевича – бытовые зарисовки, описания обычаев жизни шляхты, лирические воспоминания; у Якуба Коласа – описания жизни крестьянства и их трудовых процессов; картины природы, которые наблюдает герой, едущий в Вильно, портретные характеристики чиновников. Следует подчеркнуть, что Якуб Колас впервые в литературе использовал прием кино – быструю смену событий и кадровое построение сюжета.

4. Все три автора в исследуемых произведениях использовали как принципы эпичности (герои, время, сюжеты и события), так и принцип *эпопейности* – показ значительных событий для своих народов: А. С. Пушкин – восстание декабристов, А. Мицкевич – войны Наполеона, Якуб Колас использовал прием эзопова языка и определил время действия – конец XIX в., но имел в виду Октябрьскую революцию, создание СССР и вхождение земель Беларуси в состав большой страны.

5. Во всех исследуемых произведениях реальная действительность представлена в критическом аспекте: в «Евгении Онегине» – социального несовершенства и диктатуры, в «Пане Тадеуше» – национального и социального притеснения, в «Новой земле» – трагедии безземельности крестьянства, вседозволенности власть имущих.

Библиографический список

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий / РАН, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин; редкол.: М. Л. Гаспаров [и др.]. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.

2. Пушкин, А. С. Евгений Онегин. Драматические произведения. Романы. Повести / А. С. Пушкин. – М.: Худож. лит., 1977. – 735 с.

3. Mickiewicz, A. Dzieła poetyckie. Wiersze / A. Mickiewicz. – Warszawa: Czytelnik, 1983. – Т. 4. – 393 s.
4. Колас, Я. Збор твораў: у 14 т. / Я. Колас. – Мінск: Маст. літ., 1974. – Т. 6. – 614 с.

УДК 821.161.3.09(092)Купала

ТЭМА БУДУЧЫНІ РОДНАГА КРАЮ Ў ПАЭЗІІ ЯНКІ КУПАЛЫ

Г. М. Мятліцкая

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
Мінск, Рэспубліка Беларусь
romannose@tut.by*

У артыкуле разглядаецца паэтычнае асэнсаванне Янкам Купалам тэмы будучыні Беларусі. Аналізуюцца нацыянальныя аспекты творчасці класіка: матывы і вобразы, звязаныя з адвечнымі марамі беларусаў аб шчаслівай будучыні краіны, неабходнасцю служэння творчых людзей радзіме, шанавання роднай мовы і інш.

Ключавыя словы: беларуская гісторыя; патрыятызм; мастацкі час; будучыня; прарочыя матывы.

THE FUTURE OF THE NATIVE LAND IN THE POETRY OF YANKA KUPALA

H. M. Miatlitskaya

*Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus
romannose@tut.by*

The article deals with Yanka Kupala's poetic comprehension of the future of Belarus. The national aspects of Yanka Kupala's work are analyzed: motifs and images associated with the eternal dream of the Belarusian people about a happy future of the country, the need for creative people to serve their motherland, the reverence for their native language, and others.

Key words: Belarusian history; patriotism; artistic time; future; prophetic motifs.

Творчасць Янкі Купалы ўспрымаецца сённяшнімі чытачамі з улікам яе гістарычнай дакладнасці і канкрэтнасці: як своеасаблівы мастацкі летапіс, пакінуты песняром у спадчыну будучым пакаленням беларусаў.

Жыццёвы і творчы лёс Янкі Купалы прыпаў на час зменлівы і імклівы, надзвычай насычаны «пераломнымі», падчас трагічнымі момантамі гісторыі. Бачанае і перажытае ў час рэвалюцый, Першай сусветнай вайны, знішчэння манархіі і ўтварэння СССР аказала свой уплыў на фарміраванне творчай індывідуальнасці паэта. Кожны гістарычны этап суправаджаўся якаснымі зменамі ў жыцці беларусаў у параўнанні з ранейшым. Па творах класіка можна прасачыць асноўныя «вехі» беларускай гісторыі 1905–1942 гг. Мара пра надыход шчаслівай будучыні народа і краіны ў цэлым, якая ўзнікла на самым пачатку творчасці песняра, стала здзяйсняцца ў савецкай дзяржаве, як гэта першапачаткова здавалася тагачаснай беларускай інтэлігенцыі.

Больш як сто гадоў прароча гучаць мудрыя словы Янкі Купалы. Матывам веры ў лепшае жыццё прасякнуты творы 1906–1912 гг. і пазнейшыя. Клапоцячыся пра беларускі народ, купаляўскі лірычны герой уяўляе будучыню як багаты ўраджай на сялянскіх палях: «Людзі мруць, а ўсё ждучь // Багатшай уроды, // Мо і к нам прыбягуць // Шчаснейшыя годы. // О, тады сноп у сноп // Жніва наша будзе... // Сотня коп, мільён коп... // Дзівуіцеся, людзі!» [5, т. 3, с. 92–93], – верш «Чым хата багата». У вершы «Сваякам па гутарцы» лірычны герой заклікае людзей